

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.91.15.091

Контекстуализация прав человека: теоретико-правовая концепция и российская практика

Черенков Владислав Эдуардович

Студент,

Новосибирский государственный университет,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 2;
e-mail: vladschetinin2001@gmail.com

Аннотация

Целью данной статьи является исследование явления контекстуализации в области прав человека с теоретической точки зрения и применительно к России 2020-2022 гг. В работе сделаны выводы о том, что конфликты прав человека не могут быть разрешены риторикой их абсолютности, единственно возможный вариант преодоления конфликта – ссылка на некоторую политику, экономические факторы или оценку ценностей, которые позволяют определить нормативную силу конкретных прав по отношению друг к другу. Соответственно, права гибки, отражают (и создают) политический консенсус. В частности, изучение правового развития России, начиная с 2020 г., обстоятельно иллюстрирует зависимость концепции прав человека от политической воли. Подводя итоги, следует признать факт применения доктрины контекстуализации для трансформации конституционно-правовых норм в современной России. Права человека стали аргументом для принятия политических решений, что делает их лишь одним из направлений политики. Вынуждены констатировать неизбежность контекстуализации прав человека ввиду того, что понимание права как абсолютной и универсальной ценности невозможно без всеобщего консенсуса. Всеобщий консенсус же привел бы к переходу от постмодернистской к метамодернистской парадигме.

Для цитирования в научных исследованиях

Черенков В.Э. Контекстуализация прав человека: теоретико-правовая концепция и российская практика // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 5А. С. 40-45. DOI: 10.34670/AR.2023.91.15.091

Ключевые слова

Конфликты прав человека, контекстуализация, толкование, судебный активизм, спецоперация.

Введение

Начало современной государственной системы как исторически, так и концептуально связано с идеей международного верховенства права. Права человека считались внеисторическими и аполитичными, то есть универсальными, служащими основой *Rechtsstaat*. Но для раскрытия их содержания они транслируются в позитивные конституции (основные права) и другие правовые акты. Отсюда риторическая сила прав: с одной стороны, они находятся «вне» политического сообщества в том смысле, что задача законодателей состоит лишь в том, чтобы декларировать их присутствие в позитивном праве, а не создавать их; с другой стороны, они также находятся «внутри» общества и поддаются объективному подтверждению [Koskeniemi, 2011, 142]. Следствием этого является амбивалентность прав человека: чем больше мы настаиваем на способности прав навязывать обществу внешний стандарт, тем больше права начинают напоминать теологию; при этом сам возврат к нормам позитивного права ставит под сомнение универсализм, с которым связаны права, и фокусируется на процедурных аспектах постоянной борьбы за то, где провести грань между интересами сообщества и индивидуальными предпочтениями. Согласно постмодернистской парадигме, во внутреннем порядке права человека олицетворяют автономию индивида, выражающие условие общественного договора, учитывающие интересы политических акторов, религию и мораль, социальные и экономические вызовы, национальные традиции, в то время как в международном порядке права человека в первую очередь обеспечивают мир и безопасность, в широких границах для толкования и дальнейшей унификации.

Основная часть

Идентификация и применимость прав зависят от контекстуальной оценки соразмерности, необходимости, баланса интересов или административного уравнивания, посредством которой устанавливаются приоритеты среди конфликтующих концепций политической ценности, например, поиск баланса между требованиями государственной безопасности и индивидуальными интересами, при котором заметен отход от концепции Рональда Дворкина, рассматривающего права человека как «козыри в рукаве». Также следует обратить внимание на формулирование спорных политических проектов при помощи абстрактных определений и концепций, которые, несмотря на то что за ними стоят субъективные предпочтения, начинают жить собственной жизнью и опосредовать действительность, за которым следует процесс толкования. Ясно и то, что абсолютная человеческая свобода немыслима. Поэтому основные права требуют установления меры их нормативного содержания. Одним из критериев определения такой меры в процессе нормотворчества и правоприменения служит принцип соразмерности [Должиков, 2006, 47]. Он вытекает из самой сущности основных прав, которые представляют всегда определенную меру свободы, требуя ограничений лишь настолько, насколько это нужно для защиты публичных интересов.

В соответствии с критическим подходом (Д. Кеннеди, Дж. Бойли, М. Коскенниemi), помимо контекста политики и культурного кода, стоит обращать внимание и на другие плоскости – экономические, исторические, социологические и другие. Так, с точки зрения экономического анализа права существование права на судебную защиту состоит в снижении экономической неэффективности разрыва договора; средство судебной защиты в таком случае рассматривается как цена, которую нарушивший обязательство контрагент обязан заплатить. То есть такое фундаментальное право как право на судебную защиту рассматривается экономистами с позиции эффективности, а не «естественности».

Трудно представить стандарт, который казался бы более простым, чем право на жизнь в соответствии со статьей 2 Европейской конвенции по правам человека. Тем не менее, даже его применение раскрывается в качестве эталона взвешивания. Право на жизнь не может рассматриваться как абсолютный стандарт, необходимо обращать внимание на культурный код, на ту действительность, в рамках которой мы говорим о праве на жизнь. Существует и другой важнейший пример конфликта прав – право на свободу и право на безопасность – который разыгрывается перед всем миром под лозунгом «борьбы с терроризмом». Традиционно права на безопасность и право на личную свободу признавались и подвергались «проверке баланса». Национальные власти пользуются свободой усмотрения, объем которой будет зависеть не только от характера преследуемой законной цели, но и от конкретного характера вмешательства.

Таким образом, конфликты прав человека не могут быть разрешены риторикой их абсолютности, единственно возможный вариант преодоления конфликта – ссылка на некоторую политику или оценку ценностей, которая позволяет определить нормативную силу конкретных прав по отношению друг к другу. В таком случае, права гибки, отражают (и создают) политический консенсус.

2020-й год ознаменовал собой начало нового этапа в развитии российского государства и права. Отправной точкой исследуемого периода стало общероссийское голосование (01.07.2020), по результатам которого были приняты поправки в Конституцию Российской Федерации. В главу 2 Основного закона изменения внесены не были, но по мнению автора, права человека не остались не затронутыми.

Например, новое конституционное выражение получили религиозные права человека в РФ, благодаря нововведенной норме об объединении российского народа верой в Бога. Можно выделить ряд поводов для установления данного конституционного положения, однако обосновывается оно следующими факторами: сложившейся практикой взаимной поддержки церкви и государства; менталитетом российского народа; возникшим после распада СССР идеологическим вакуумом. Об этом свидетельствуют, в частности: выражение Патриархом Кириллом благодарности Президенту РФ за сотрудничество; распространенность религиозной веры (в основном православной) среди российского населения; криминализация нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Последствием рассматриваемой новеллы выступает определенное ограничение права распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Другим примером является конституционное закрепление верховенства Основного закона над решениями межгосударственных органов. Данная новация является попыткой решения проблемы, характерной и для других государств. В частности, высшие суды государств – членов Совета Европы не раз отказывались исполнять решения Европейского Суда по правам человека, ссылаясь в т.ч. на приоритет национального права. Рассматриваемое явление называется «принципиальным сопротивлением». В России этому феномену уделено особое внимание. Новеллой, предшествующей исследуемой поправке, можно назвать признание Конституционным Судом РФ права федеральных органов обращаться к нему с запросами о возможности исполнения постановлений ЕСПЧ. Используемыми Россией линиями аргументации (выделяемыми В.Л. Толстых [Толстых, 2018]) являются: *ultra vires*; *abus de droit*; *иерархии согласий*. Причинами выражения осторожности по отношению к решениям межгосударственных органов являются: массовые обращения граждан РФ за защитой в ЕСПЧ и высокие траты федерального бюджета в качестве компенсации; принятие РФ мер по обеспечению возмещения ущерба гражданам за нарушение Европейской конвенции по правам человека на национальном уровне; рассматривавшееся в ЕСПЧ дело «Украина против России»

о статусе Республики Крым.

Таким образом, внесенные в Конституцию РФ поправки легитимизировали уже сложившуюся обновленную материальную конституцию с ее новым подходом к правам человека, который охватывается консервативным трендом, выделяемым А.Н. Медушевским.

Рассматриваемый период запомнился принятием ограничительных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, которые стали поводом для судебных разбирательств во многих государствах. В частности, в ЕСПЧ был подан ряд жалоб, касающихся права на жизнь, на свободу передвижения, на безопасность и т.д. В России был введен режим повышенной готовности, предусматривающий ряд ограничительных мер, затрагивающих права и свободы граждан. Данная ситуация – пример конфликта прав (например, права на свободу передвижения и права на безопасность). Принятые ограничения нельзя рассматривать как посягательство на конституционные права, поскольку они соответствуют публичным целям (указанным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), ради которых ограничения допустимы (а именно здоровье). Доводы о запрете массовых мероприятий как об основной цели введенного режима могут быть опровергнуты аргументом о принятии соответствующих мер в других государствах (даже если правящая элита и воспользовалась соответствующей возможностью).

24.02.2022 началась специальная военная операция РФ на территории Украины. Интересным для данного исследования представляется аргументация принятого решения. Впервые РФ использовала в качестве обоснования начала военных действий обстоятельную риторику прав человека. Ранее заявления о необходимости военного вмешательства содержали необходимость борьбы с терроризмом, принуждения к миру и т.д. Они носили, в основном, коллективный характер, опираясь на идеи безопасности и целостности государства. В рассматриваемом случае основой аргументации был индивидуализм, категории прав и свобод. Президент РФ говорил о «геноциде в отношении проживающих там (на Донбассе) миллионов людей», о том, что в основе политики России – «свобода». Под противником в обращении подразумевается «киевский режим», по словам президента, не легитимный, «издевающийся в течение 8 лет над людьми». Как отмечает М. Коскенниemi: «Права человека теперь выступают не только как одно из направлений политики. Становится невозможным отличить «политику в области прав человека» от других направлений, потому что каждая из них может заявить, что выгоды, которые она производит, должны пониматься с точки зрения «прав» его бенефициаров [Koskenniemi, 2010, 54]».

Заключение

Подводя итоги, следует признать факт применения доктрины контекстуализации для трансформации конституционно-правовых норм в современной России. Права человека стали аргументом для принятия политических решений, что делает их одним из направлений политики. Поэтому, по мнению автора, возможно констатировать неизбежность контекстуализации прав человека ввиду того, что понимание права как абсолютной и универсальной ценности невозможно без всеобщего консенсуса.

Библиография

1. Должиков А.В. Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским Судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система. Саратов, 2006. 140 с.
2. Толстых В.Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 1-11.

3. Koskenniemi M. Human rights mainstreaming as a project of power // *Humanity. An International Journal of Human Rights Humanitarianism and Development*. 2010. № 1. P. 47-58.
4. Koskenniemi M. *The politics of international law* // Oxford and Portland. Oregon, 2011. 371 p.
5. Miller D. *Grounding human rights // The Value and Limits of Rights*. – Routledge, 2016. – C. 21-40.
6. Donnelly J. Human rights: a new standard of civilization? // *International Affairs*. – 1998. – T. 74. – №. 1. – C. 1-23.
7. Pogge T. The international significance of human rights // *The Journal of Ethics*. – 2000. – T. 4. – C. 45-69.
8. Henkin L. Human rights: Ideology and aspiration, reality and prospect // *Realizing human rights: Moving from inspiration to impact*. – 2000. – C. 3-38.
9. Gilibert P. Humanist and political perspectives on human rights // *Political theory*. – 2011. – T. 39. – №. 4. – C. 439-467.
10. Hoover J. Towards a politics for human rights: Ambiguous humanity and democratizing rights // *Philosophy & Social Criticism*. – 2013. – T. 39. – №. 9. – C. 935-961.

Contextualization of human rights: theoretical and legal concept and Russian reality in 2020-2022

Vladislav E. Cherenkov

Student,
Novosibirsk State University,
630090, 2, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vladschetinin2001@gmail.com

Abstract

The purpose of this article is to study the phenomenon of contextualization in the field of human rights from a theoretical point of view and in relation to Russia 2020-2022. The paper concludes that human rights conflicts cannot be resolved by the rhetoric of their absoluteness, the only possible way to overcome the conflict is to refer to some policy, economic factors or assessment of values that make it possible to determine the normative force of specific rights in relation to each other. Accordingly, bending rights reflect (and create) political consensus. In particular, the study of the legal development of Russia, starting from 2020, illustrates in detail the dependence of the concept of human rights on political will. Summing up, we should recognize the fact of applying the doctrine of contextualization for the transformation of constitutional and legal norms in modern Russia. Human rights have become an argument for making political decisions, which makes them just one of the areas of policy. We are forced to state the inevitability of the contextualization of human rights in view of the fact that the understanding of law as an absolute and universal value is impossible without a general consensus. A general consensus would lead to a transition from the postmodernist to the metamodernist paradigm.

For citation

Cherenkov V.E. (2023) Kontekstualizatsiya prav cheloveka: teoretiko-pravovaya kontseptsiya i rossiiskaya deistvitel'nost' 2020-2022 gg. [Contextualization of human rights: theoretical and legal concept and Russian reality in 2020-2022]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (5A), pp. 40-45. DOI: 10.34670/AR.2023.91.15.091

Keywords

Human rights conflicts, contextualization, interpretation, judicial activism, special operation.

References

1. Dolzhikov A.V. (2006) *Primenenie printsipa sorazmernosti ogranicheniya osnovnykh prav Evropeiskim Sudom po pravam cheloveka pri rassmotrenii «rossiiskikh del»* [Application of the principle of proportionality of restriction of fundamental rights by the European Court of Human Rights when considering “Russian cases”]. In: *Praktika Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i rossiiskaya pravovaya sistema* [Practice of the European Court of Human Rights and the Russian legal system]. Saratov.
2. Koskenniemi M. (2010) Human rights mainstreaming as a project of power. *Humanity. An International Journal of Human Rights Humanitarianism and Development*, 1, pp. 47-58.
3. Koskenniemi M. (2011) The politics of international law. In: *Oxford and Portland*. Oregon.
4. Tolstykh V.L. (2018) «Printsipial'noe soprotivlenie» resheniyam Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v svete kriticheskoi teorii [“Principled Resistance” to the Decisions of the European Court of Human Rights in the Light of Critical Theory]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 1 (25), pp. 1-11.
5. Miller, D. (2016). Grounding human rights. In *The Value and Limits of Rights* (pp. 21-40). Routledge.
6. Donnelly, J. (1998). Human rights: a new standard of civilization?. *International Affairs*, 74(1), 1-23.
7. Pogge, T. (2000). The international significance of human rights. *The Journal of Ethics*, 4, 45-69.
8. Henkin, L. (2000). Human rights: Ideology and aspiration, reality and prospect. *Realizing human rights: Moving from inspiration to impact*, 3-38.
9. Gilibert, P. (2011). Humanist and political perspectives on human rights. *Political theory*, 39(4), 439-467.
10. Hoover, J. (2013). Towards a politics for human rights: Ambiguous humanity and democratizing rights. *Philosophy & Social Criticism*, 39(9), 935-961.